

О пользе мигрени

Дарья Донцова: «Я видела себя в 2054 году»

Независимая - 2003 - 14 нояб. - с. 13

Игорь Шевелев

По Дарье Донцовой можно изучать историю и теорию писательского успеха. Появившись на книжном рынке, ее романы завоевали верхние строчки индексов продаж с невиданной быстротой. Одно к одному: исключительная плодовитость, трогательная история страшного заболевания и чудесного выздоровления с заодно обретенным писательским даром, телевизионные сериалы с лучшими актерами, привлекательная внешность, дружная семья, любовь к готовке, детям и собакам, — Дарья Донцова словно обречена на сочувствие читателей, а читатели в особенности.

— Начнем сначала: Дарью Донцову на самом деле зовут Агриппиной. Это, как у японцев, новое имя для новой жизни или деление на чужих, для которых вы — Даша, и своих, для которых — Груня? Короче, как вас называть?

— Называйте, как хотите. Иногда, если кто-то меня зовет Груней, я не всегда откликаюсь. С одной стороны, я никогда не любила свое имя. С другой стороны, оно сегодня вообще как будто умерло. Мне Дашей быть лучше и приятней.

— Неужели и домашние вас зовут так?

— Да нет, конечно. Естественно, моему сыну не придет никогда в голову звать меня Дашей. Муж, Александр Иванович, никогда и не звал меня по имени. Дома я прохожу под особой кличкой.

— Последняя ваша книга, увидевшая свет, — автобиогра-

фия. Это особый издательский ход для подогрева интереса к вам?

— Автобиографию я написала исключительно из-за того, что слишком много глупостей читала о себе в газетах. Пишут, что у Донцовой нога деревянная, а народ верит. Или что за Донцову пишут десять литературных негрят. Подумала, что, может, после этой книги будет меньше нелепостей.

— Но в какой мере возможна правдивая автобиография?

— Знаете, я могу честно сказать, что там нет ни слова неправды. Другое дело, что я о чем-то умолчала. Не врала, а просто не написала. Но у каждого человека, наверное, есть какие-то моменты в жизни, о которых не хочется вспоминать. Поскольку я знаю, что доживу до ста двух лет, то думаю, что на пороге этого срока напишу еще одну автобиографию, в которой выскажу уже всю правду про первые свои сто лет.

— Когда читаешь книгу, то особенных лакун не замечаешь...

— Я не описала какие-то ситуации, связанные, предположим, с моими детьми. Или о чем-то, связанном с моей личной жизнью. Я не считаю этичным перечислять в автобиографии всех мужчин, с которыми когда-то жила. В том числе по отношению к самим этим мужчинам, которые, вероятно, и не собираются об этом вспоминать. Я двадцать лет замужем за Александром Ивановичем, и я двадцать лет верная жена. Но, поскольку мне за пятьдесят, а до брака была какая-то жизнь, какие-то связи, а у этих людей, возможно, свои семьи, то эту часть я просто опустила. Да она и в принципе неинтересна людям, которые меня читают.

— В книге точно упоминаются два ранних мужа, а потом следуют вполне монашеские десять лет.

— Они не монашеские, и с памятью у меня порядок, я не забыла никого, с кем у меня когда-то были близкие взаимоотношения. Более того, я могу сказать, что мне ни разу на жизненном пути не попался мерзавец. Все мужчины, с которыми я когда-то имела дело, это люди талантливые, самодостаточные, добившиеся успеха, денег и всего

Это ложь, что в жизни все заканчивается хорошо

прочего. Мне ни разу не попался подлец, алкоголик и тому подобное. Но тем не менее мне кажется, что как-то не надо об этом рассказывать.

— А бывшие мужья, о которых вы написали в книге, проявились в момент вашей известности и славы?

— Нет, они не появились. Потому что два моих бывших мужа — это два интеллигентных, очень воспитанных человека. Отношения прервались, их не было на протяжении моей писательской жизни. Я думаю, что мои бывшие мужья считают неприличным звонить бывшей жене, добившейся какого-то успеха. Я знаю этих людей и думаю, что они не будут обращаться ко мне.

— А вы к ним?

— Если я встречу кого-то из них, то, естественно, возникнет какой-то разговор. Но что умерло, то умерло. И вообще у меня глубокое ощущение, что я вышла за Александра Ивановича не

двадцать лет назад, а тридцать, тридцать пять лет назад и ничего другого просто в моей жизни не было. Мой 32-летний сын зовет его папой, и ему в голову не придет называть Александра Ивановича как-то иначе.

— А общая ваша дочка?

— Машенька учится на первом курсе у папы на факультете психологии МГУ. Жизнь у ребенка тяжелая, о каждом ее шаге, естественно, тут же докладывают папе. Если кто-то может сбегать с лекции, не подготовиться

к семинару, не сделать доклад, то Маше это непозволительно. Она недавно сделала доклад, папа об этом узнал через пять минут. Поэтому ей приходится работать втрое больше, чем другим студентам. Поблажек не будет.

— Если закончить с семейными отношениями, то ваш папа — Аркадий Васильев, известный советский писатель, писал ли он детективы?

— Нет, папа был успешный коммунистический писатель, искренне верящий в светлое будущее. Он писал такие громадные тома: «Есть такая партия», «Биография века» — история партии для детей. Есть у него книжка, которая выбивается из этого ряда: «В час дня, ваше превосходительство», об армии Власова. Отцу казалось несправедливым, что на всю 18-ю армию был навешен ярлык предателей и ветерану в военкомате приходилось доказывать, что он не был предателем. Отцу хотелось восста-

новить справедливость. Он сидел в архивах КГБ, много ездил за границу, книга получилась действительно хорошая и правильная. После выхода книги пошли звонки женщинам: «Вот вы пишете, что у вас в книге все фамилии настоящие. И пишете, что Петр Иванов живет сейчас в Канаде. А он на самом деле погиб, у меня есть похоронка, и я всю жизнь воспитывала детей на его примере». А он знает, что этот человек живет в Канаде. Как сказать об этом жене? Таких моментов было много.

— Может ли быть детектив на русской почве? Ну, убили человека, ну и что, цена жизни копейка. Ну, выстраивает сыщик логические цепочки, а логики в жизни на самом деле нет.

— Давайте тогда начнем с «Трех мушкетеров»: убили 28 гвардейцев кардинала, а их не жалко никому. Как раз, наоборот, в русском детективе больше психологических переживаний. Вообще я считаю родоначальником русского детектива Федора Михайловича Достоевского. И потом детективы все разные. С одной стороны, есть Чейз. С другой, Макбейн, у которого все очень просто. Есть Агата Кристи, у которой все написано просто, а на самом деле не так просто. Есть наши российские авторы, та же Полина Дашкова, у которой все очень непросто, та же Маринина, у которой психологически тонкие книги. У нее нет ни одного персонажа, у которого не был бы выписан характер. Все мучаются, переживают.

— У вас нет ощущения, что вы появились в нужный момент, когда есть уже индустрия успеха, а какие-то ниши еще остались незанятыми?

— Я вообще человек везения. Мне повезло, что я вышла за-

Дарья Донцова пишет так, чтобы ее читателю было легче жить. Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

муж за Александра Ивановича. Мне повезло, что я тяжело заболела и начала в это время писать книги. Все, что в жизни случилось плохого, в результате приводило меня к добру. Мне повезло с издательством, повезло, что в меня поверили. Повезло, что сериал по моим книгам взялись снимать Роднянский, Товстун и канал СТС, потому что это настоящие профессионалы.

Мне безумно повезло, это правда.

— Сколько уже опубликовано ваших детективов и сколько написано?

— Опубликовано сорок пять, написано пятьдесят пять.

— Писательский кураж не проходит?

— На самом деле это не кураж, а работа. У вас может пройти кураж к работе? Здесь то же самое.

— Акунин как-то сказал, что после первой дюжины книг сюжеты так и хлынули на него с разных сторон.

— Я с ним согласна. Чем больше вы пишете, тем больше у вас появляется в голове. Иногда мне кажется, что меня просто, как хомячка, разорвет: и об этом можно написать, и об этом. Я в книжечку записываю, чтобы не забыть. А однажды свалилась с мигренью: лежишь целый день, ничего делать не можешь. От тоски я стала придумывать, какие еще книжки можно написать. На тридцать восьмом сюжете я заснула.

— Тот же Акунин часто говорит, что вступает в литературную игру с воображаемым читателем. У вас такая же игра?

— Нет, у меня другая ситуация. Я — народный писатель. Не в том смысле, что великий, как народный артист, и не в том смысле, что вышла из народа, а я для народа пишу. Для десятков и сотен тысяч мужчин и женщин, которые ходят по улицам, едут в метро, имеют не очень большой денежный достаток, у которых тучи жизненных проблем. И когда я пишу, у меня в голове только одна мысль — я хочу, чтобы им всем стало немного легче. Чтобы, закрыв книгу, они себе сказали: «Этим идиоткам героиням, этому не очень умному мямле Ивану Павловичу Подушкину в жизни крупно повезло. И мне когда-нибудь тоже повезет. Мне обязательно будет хорошо. Я не буду отчаиваться и плакать, я буду спокойно жить и радоваться жизни». Я и передачи свои на радио всегда заканчиваю: «Все у нас будет хорошо. Я очень вас люблю. Ваша Дарья Донцова».

ОКОНЧАНИЕ НА СТР. 14